

Леонид ИВАНОВ — законная гордость Могилевщины, почетный гражданин Могилева, заслуженный учитель и заслуженный деятель искусств, лауреат премии Президента РБ «За духовное возрождение». Является деканом педагогического факультета Белорусской академии музыки, находящегося в городе на Днепре. Леонид Леонидович в течение более 35 лет бессменный художественный руководитель, дирижер одного из лучших, по признанию специалистов, оркестров — оркестра народных инструментов Центра культуры и искусства Могилевской области. Это благодаря ему стали такими популярными в городе традиционные «Ивановские концертные среды». И вообще, Иванов — человек целеустремленный. А еще это прекрасный собеседник, которого всегда интересно слушать.

Предлагаем вниманию несколько монологов Леонид Леонидовича, благодаря которым он раскрывается как творческая личность.

Оркестру подвластно все

Утверждая себя

— Отца своего я не помню. В июне 41-го он ушел на фронт. Матери выпала очень тяжелая доля. Пятеро детей в семье, и я — самый младший. Скитались по чужим углам, пока не прижились на Машековке, в крохотном домике с огородишком, с которого и кормились. Здесь прошла моя юность, и, спустя много лет, именно по этому округу избрали меня депутатом городского Совета. Как выжили? Мать ста-

ралась, чтобы не походили на нищих. Не хватало одежды, и мы с сестрой ходили в школу в разные смены в одной фуфаечке — всегда выстиранной и высушенной на трубе «буржуйки»... Еще ребенком я увлекался многим и всерьез. С охотой пел в школьном хоре и даже выступал солистом. Если бы меня учили пению — стал бы певцом. Во Дворце пионеров занимался танцами, солировал в хореографическом ансамбле. Мне нравилось рисовать, конструировать авиамodelи и даже писать стихи. Мог бы, чувствую, быть неплохим ботаником — в юности медаль ВДНХ СССР получил за помидоры, собственноручно выращенные на пришкольном участке. Везде себя попробовал, но стал тем, кем стал. Победила все же музыка — в свое время зерно, очевидно, упало на благодатную почву и проросло.

В нашей семье все любили музыку. Когда впервые увидел баян, на котором играл наш же машековский парень, загорелся так, что для меня главный выбор в жизни был сделан сразу и, как оказалось, навсегда. Ни о чем больше не мечтал, только бы научиться играть. Матери нечем было платить за учебу, поэтому, спасибо им, помогли соседи. С необыкновенной теплотой вспоминаю музыкальную школу. В ней присутствовала какая-то особенная обстановка, аура творчества. А потом три года меня учили бесплатно. Это во времена чудовищной послевоенной разрухи! Бесконечно благодарен первым учителям — Лазарю Марковичу Зисману и моему музыкальному кумиру Ивану Лазаревичу Павлову.

На II курсе музучилища впервые попал в оркестр. Его звучание, соединение разных инструментов в единое целое потрясли. Три последующих года жил только от репетиции до репетиции. Никогда не забуду свой первый выход как дирижера: на IV курсе понял, что дирижирование стало для меня, пожалуй, основным делом жизни. Правда, долго в это не верил, но, получив «отлично» на выпуске в консерватории, начал думать, что действительно чего-то могу добиться.

И в консерваторские годы жилось, конечно, не сладко, но уже на старших курсах, подрабатывая, иногда высылал и матери немного денег. А мою судьбу определил Иосиф Абрамец — тогдашний дирижер Белорусского театра оперы и балета. Его советами, поддержкой дорожил и дорожу.

Ученик — не копия учителя

Три опорных слагаемых составляют неординарность и яркое своеобразие личности Леонида Иванова: стойкость жизненных убеждений; новационность педагогических принципов; безраздельность упоительного творчества как основы, сущности и истинности бытия.

— Привык честно, порядочно относиться к делу. Пока не добьюсь результата — постоянно не удовлетворен. Может быть, достоинство или недостаток, от которого часто страдаю: то, что делаю — во всем! — должен делать хорошо, с полной отдачей. Я воспитан на «старомодных» принципах надежности, верности слову. Не терплю халтуру, люблю порядок, дисциплину, аккуратность, усердие. Того же требую и от других. Ценю в людях больше всего порядочность, искренность, честность, в учениках и оркестрантах — интеллигентность, человеческое достоинство, одержимость в учебе и, конечно, умный юмор. Я не тот каменный деспот, каким меня иногда представляют по внешним проявлениям принципиальных позиций. Могу быть жестким, требовательным, но эта жесткость — во благо молодому таланту, чтобы он состоялся как личность, музыкант, художник.

Есть преподаватель, а есть педагог. Я стараюсь быть в первую очередь педагогом: не делать из ученика свою бездумно-бездушную зеркальную копию. Это чуждая искусству порочная педагогика ремесленничества. Настоящий педагог — исток и генератор творчества. Его главное предназначение — не пропустить, не загасить, максимально бережно разжечь трепетный огонек в душе того, кто пришел к

тебе учиться музыке. Все, что чувствую, знаю, умею, стараюсь вложить в ученика. И чем больше он не походит на меня, тем радостней. Ведь это мое продолжение в новом качестве. Искренне желаю, чтобы мой ученик поднялся выше, сделал больше, чем удалось мне.

Не каждому выпускнику, даже получившему квалификацию дирижера, дано руководить оркестром. По разным причинам. Эта фигура действительно специфичная в музыкальной среде. Такую дисциплину, как дирижирование, в вузе проходят практически все студенты, однако редко кто из них становится дирижером. У человека, который берется за это дело, должно быть свойство музыкального лидерства, умение слепить музыкальный образ из множества точно выстроенных звуков. Это сложная наука, и нелегко она дается. Нужны призвание, притом зачастую не только чисто музыкантское, талант, одержимость — потому-то обучение творчеству сугубо штучное производство. Но не это главное. Не удастся подчас не потому, что мы плохо учим. Там, где учащиеся помогают, понимая значение оркестров, наши выпускники показывают себя с наилучшей стороны. Сошлюсь на своих учеников: Василий Куприяненко — заслуженный артист Беларуси, руководитель ансамбля народной музыки «Свята»; Александр Сосновский — дирижер Новосибирского, затем Белорусского театра музыкальной комедии; Сергей Малинин создал замечательный школьный оркестр... А возьмите инструментальные ансамбли и оркестровые коллективы детских музыкальных школ в Шклове, Климовичах, Бобруйске! Значит, работа не впустую и сориентирована в верном направлении...

Главное дело жизни

— Идеей создать в Могилевской области профессиональный филармонический оркестр лично я жил давно. Но реально засветилась возможность ее осуществления лишь тогда, когда громко заявила о себе наша областная филармония и появился в Могилеве

педфакультет академии музыки. Они, по сути, и стали базой создания профессионального коллектива. Вместе с тем столь серьезный музыкальный проект, как, впрочем, и многое другое в культурной жизни Приднепровья, не был бы осуществлен без личной — активной и заинтересованной — поддержки начальника управления культуры Могилевского облисполкома Михаила Григорьевича Дорошкова, которому особая признательность. Я чрезвычайно рад, что моя голубая мечта осуществилась.

Небольшое отступление

«Если о Леониде Леонидовиче говорят, что он излишне требователен и в чем-то деспотичен (в творческом плане, разумеется), — убежден директор областной филармонии, композитор Владимир Браиловский, — то все более-менее значимые дирижеры в мире без должного волевого импульса как таковые не состоялись бы. Иванов — дирижер от природы, что крайне редко. Он очень органичный музыкант. Вокалисты, работая с его оркестром, чувствуют себя всегда комфортно».

Накануне презентации оркестра как первого профессионального коллектива областной филармонии народный артист России, профессор Владимир Бурылев не мог поверить, что такое возможно: получив накануне премьеры нотный вокальный клавиш, за одну ночь аранжировать незнакомое произведение, распisać оркестровые партии, отрепетировать и на следующий день, встретившись с солистом прямо на сцене во время концерта, покорить певца и слушателей блистательным мастерством аккомпанемента. Два года спустя — полномасштабный творческий вечер с Борисом Штоколовым перед просвещенной столичной публикой в Минске. Всего с одной репетиции. И опять-таки — полный обоюдный восторг...

— Что касается филармонической премьеры с участием Владимира Бурылева и не менее прославленного народного артиста России Александра Цыганкова, то забыть их действительно невозможно. Мы долго и тщательно готовились к столь ответственной

встрече. И когда казалось, что все уже отретировано, отточено до последнего звука, выяснилось, что на концерте часть партий сопровождения исполняемых Бурьялевым произведений придется играть в другой тональности. Пришлось спешно переписывать партии, а музыкантам без должной репетиции прямо на премьере все транспонировать с листа. Эксперимент, конечно, более чем волнительный. Но когда зал взорвался аплодисментами, я облегченно вздохнул. Получилось! Очередной непростой экзамен мои оркестранты выдержали!

Концерты с могучим, как гранитная глыба, Борисом Штоколовым — самое памятное и дорогое из множества впечатлений. Это большой музыкант, которому немислимо трудно и столь же почетно аккомпанировать. Выступая с ним, чувствовал великое актерское братство, а себя — артистом. Не подумайте, что я такой мастер — играть с одной репетиции. Творческой встрече со Штоколовым предшествовала огромнейшая предварительная работа, профессиональная «кухня» любого ответственного музыканта: прослушивание записей, изучение его стиля, сравнение вариантов. Элемент неожиданности присутствовал, но я был готов к «вольностям» мэтра. Удалось постигнуть не технологию исполнения, а мотивацию внутренних движений его души.

Пусть простят меня за возможную нескромность, но главное — кто стоит за пультом, каков человек, музыкант, что принес с собой в оркестр. Мое отношение — от души. Иначе не могу. А дети — я называю их детьми — чуткий барометр, который тут же реагирует. Если руководитель болеет за свое дело, потихоньку начинают болеть и они. Все мои оркестранты — музыканты высокой исполнительской квалификации, и я уверен, что по уровню мастерства могут потягаться с любым профессиональным коллективом Беларуси, и не только. Они влюблены в свое дело. Если нужно — за ночь переписут партии, чтобы с утра репетировать. Помню, для «Кадрильной польки» А. Широкова потребовалась

голосистая деревенская гармошка. Так Коля Алданов согласился сыграть свадьбу ее хозяину, только бы дал на концерт. А после выступления оркестра на телевидении тот подарил нам свой инструмент со словами: «За тое, сыночкі, што сыгралі, як у сяльцы». Для нас — высшая похвала.

Для меня ученики и оркестранты — одновременно и студенты, и коллеги, которых уважаю и которые, надеюсь, уважают меня. Мы делаем на равных одно общее дело. Отношения с ними стараюсь строить чисто по-музыкантски, на основе творческих интересов и доверия. Работая с молодежью, не чувствую возрастного барьера. Мы — одна большая семья, единый дружный коллектив. Я дорожу своими музыкантами, нахожу то общее, что роднит, невзирая на возраст: демократизм в отношениях, ответственность, высокую личную требовательность, доверие и веру в возможности каждого. Отсюда порой запредельные программы, жесткий прессинг энергетики репетиций. Конечно, понимаю, что иногда пережимаю. Но мы ищем вместе. И сообща радуемся, когда находим решение, убеждающее музыкой. Если я чего-то не понимаю в исполнительской технологии, не боюсь подойти и спросить, как это сыграть лучше: они профессионалы, им виднее. Может, и проитрываю, открываюсь перед ними, ибо этим подчас пользуются.

Не только играя голые ноты

— Я не бездумный реформатор, ломающий традиции в угоду модным новациям или внешним эффектам. Ко всему нужно подходить творчески. Каждый концерт должен нести в себе изюминку неожиданности. Конечно, все репетируется, выстраивается драматургически, тщательно режиссируется. Но подлинный артистизм достигается не внешними эффектами, а тем, что в процессе концерта все творят, вносят в исполнение известную долю экспромта. Оркестранты, как и я сам, «больны» этим...

У меня в оркестре могут использоваться цимбалы, скрипки, хор, иногда сами музыканты по ходу исполнения поют или лихо выкрикивают, несутся по сцене с кочергой, в сковородки ударяют, на стиральной доске или натуральной пиле играют, самоварчик раздувают. Но все это идет от внутреннего содержания музыки, художественно обоснованно, к месту. Для меня приемлемо лишь то, что истоками кровно связано с народной музыкой, соответствует природе народных инструментов. При формировании репертуара руководствуюсь принципом избирательности. Охотно включаю русскую оркестровую классику, новинки современных авторов, если их сочинения очеловечены истинными чувствами. Нельзя забывать, что в оркестре рождается музыкант, способный не только играть голые ноты, но слышать и слушать себя в общем звучании, постигать технологию рождения прекрасного. Произведение, как спектакль, надо выстроить. Однажды после нашего концерта в Минске известный профессор признался: «Вы знаете, я впервые почувствовал всю драматургию этого произведения!» Мне не так важно, чтобы оркестранты синхронно сыграли, скажем, труднейший пассаж, главное, чтобы они осмыслили, для чего играют, чтобы в их душе звучала зримая музыка.

Оркестру практически подвластно все, и в репертуарном отношении он, можно сказать, универсален. Уже ни у кого не вызывает сомнений художественная правомерность исполнения академической классики, оперно-симфонической музыки. Но все же основную миссию оркестра вижу в пропаганде сочинений современных белорусских композиторов, в стимулировании их к более активному творчеству, в том числе и для нашего коллектива. Исполняя классику, народную музыку, всегда стремился найти твердую репертуарную основу в произведениях Дмитрия Смольского, Андрея Мдива-

ни, Владимира Комарова, Геннадия Ермаченкова. С именем последнего связана новая страница в отечественной профессиональной музыке. Это композитор яркого национального колорита, удивительного мелодизма, широкого эмоционального дыхания, жанровой многоплановости. Он смелый реформатор устоявшихся представлений о возможностях народно-инструментального жанра. И я рад, что наш оркестр послужил достойной экспериментальной базой его поисков. Ермаченков по-прежнему остается надежным партнером в плане концертных премьер и чисто человеческого общения. И наши души, мне кажется, родственны и поют в унисон. Я привык играть свою родную музыку и уверен, что делаю это правильно.

Никогда никому не угождал — ни в жизни, ни в творчестве, никогда не работал на славу и звания, не стремился к бытовому комфорту, не привык просить за себя. Как-то в мою «хрущевку» пришли преподаватели поздравить с юбилеем — было стыдно, что так живу. Никогда по-настоящему не отдыхал, хотя, говорят, страдаю синдромом хронической усталости. Действительно, очень устаю после репетиций. Но отдаю всего себя, без оглядки на физическое здоровье. Никогда не был рад окончанию репетиции, ибо во время работы не чувствую усталости. Сколько ни выступал, только однажды остался доволен. Обычно же уходишь со сцены и мучаешься: там пассаж «смазали», там еще что-то не так. И все-таки я счастлив, ибо всю жизнь имел дело со своим любимым оркестром. Работая с профессиональным коллективом, понял, что такое настоящая полнокровная творческая жизнь дирижера. Благодарен судьбе, что наконец представилась такая возможность. Жалею только, что не прошло это значительно раньше.

Записал Геннадий ПИСНЯК

Могилев